

УДК 101.1:316(09)

ПРИРОДА РУССКОГО НИГИЛИЗМА В ВОЗЗРЕНИЯХ

К.Д. КАВЕЛИНА

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассматриваются воззрения К.Д. Кавелина на природу русского нигилизма. Выделены этапы складывания форм протестного мышления: русское вольтерьянство конца XVIII в., идейный радикализм представителей молодого поколения середины XIX века, революционная форма общественного сознания начала XX в., реализованная в политических событиях России 1917 г. Статья выстроена в ракурсе интерпретации историко-философских и публицистических сочинений К.Д. Кавелина, написанных в последнее десятилетие его творчества. Этим объясняется обращение к герменевтической методологии, которая позволила провести методически выверенный анализ воззрений социального философа на природу русского нигилизма. Распределение материала в статье подчиняется принципу проблемно-хронологического метода, что дает возможность проследить преемственность и развитие суждений Кавелина об источниках русского нигилизма и путях его преодоления. Дан анализ радикальных настроений представителей разных слоев русского общества.

Ключевые слова: *К.Д. Кавелин, историко-философская рефлексия, русский нигилизм, политика, нравственность, традиция, образование, социальная конфронтация.*

Русский нигилизм – явление сложное и многомерное. Как протестное мышление самых разных пластов русского общества, нигилизм сформировался в русле критики общественного строя и прошел несколько стадий развития: русское вольтерьянство конца XVIII в., с его осмеянием суеверий и поиском истоков зла, возникновение идейного радикализма в разночинной среде молодежи середины XIX в., ницшеанская переоценка ценностей и, как финал, особая – революционная – форма общественного сознания начала XX в. Впервые природа русского вольтерьянства была «схвачена» русским религиозным мыслителем В.В. Зеньковским. Рисуя широкую палитру вызревания протестного мышления в истории русской философской мысли, он справедливо начинает с анализа русского вольтерьянства. «Весь этот нигилистический настрой ума слагался в связи с утерей былой духовной почвы, с отсутствием, в новых культурных условиях (речь идет о секуляризации жизни. – *Е.М.*), дорогой для души родной среды, от которой могла бы душа питаться. <...> И если одни русские люди, по-прежнему пламенно жаждавшие “исповедовать” какую-либо новую веру, уходили целиком в жизнь Запада, то другие уходили в дешевый скептицизм, в нигилистическое вольнодумство», – пишет он в известном труде «История русской философии» [1, с. 86]. Другой русский философ Н.О. Лосский прямо говорит, что призыв радикалов-шестидесятников к свержению старого порядка путем безжалостной крестьянской революции был подхвачен русскими марксистами на платформе пролетарской революции и воплотился в рево-

люции 1917 г., породившей «ужасную форму тиранического государственного капитализма» [2, с. 484].

Сегодня социокультурные причины нигилизма, приведшие к радикальным переменам в России в начале XX в., анализируют такие авторы, как В.К. Кантор, А.А. Кара-Мурза, Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская, И.К. Пантин, Е.Г. Плимак и др. Психологические основания бунтарских взглядов русского человека вскрывает японский исследователь Такаёси Симидзу в монографии «Прочтение романа “Идиот” – Достоевский и нигилизм» (2013). Автор высказывает суждение о том, что каждому персонажу, в том числе и князю Мышкину, свойственно чувство «внутреннего нигилизма». Мышкин, как считает исследователь, «понимает страдания нигилистов, и поэтому он может чувствовать боль других людей, которых мучают нигилистические мысли» [3, с. 85]. По наблюдению Е.О. Ковалевой, во всех исследованиях рефреном звучит мысль о том, что «нигилизм – типично российская проблема, что вся история России – это периоды нигилизма, сменяющиеся возрождением интереса к национальной истории и традиции» [4, с. 18].

Отечественная традиция XIX в. приписывает введение термина «нигилизм» писателю И.С. Тургеневу. Однако исследователь XX в. А.И. Новиков в работе «Нигилизм и нигилисты» (1972) уточняет, что впервые это понятие употребил Н.И. Надеждин в статье «Сонмище нигилистов», говоря о нигилизме как безосновательности суждений. Впоследствии этот термин употреблялся в довольно разных значениях: как синоним пустоты и безвкусыя (В.Г. Белинский), как скептицизм (Н.А. Добролюбов), как революционное состояние сознания (А.И. Герцен и Д.И. Писарев) [5, с. 31–32]. А.И. Новиков дает развернутую характеристику «революционного нигилизма», прошедшего достаточно длинную стадию вызревания: от стихийного протеста разночинных слоев против дворянско-самодержавного строя до цельной концепции, отрицающей охранительную идеологию и традиционные устои морали и быта [5, с. 40]. Популярный в среде разночинной интеллигенции революционный нигилизм вызывал ожидаемое противодействие со стороны официальных правящих кругов и представителей консервативно-либеральной общественности.

Цель данной статьи – сквозь призму воззрений К.Д. Кавелина исследовать природу и формы конфронтации русского общества в пореформенный период России 1860–1880-х гг. В поздних статьях К.Д. Кавелин анализирует причины социального конфликта в России, вызревающего прямо на его глазах. Чувствуется острая тревога мыслителя по поводу партикуляции русского общества. Кавелин отмечает, что два события – поражение России в Крымской войне и противоречивый процесс реализации либеральных преобразований (крестьянской реформы, местного самоуправления, судебной реформы) – всколыхнули все пласты русского общества, создали атмосферу длительного состояния тревожности, разногласия сословий и недоверия к государственной власти.

Встревоженный политической ситуацией в стране, особенно после первого покушения на жизнь императора, К.Д. Кавелин подает Александру II

записку «О нигилизме и мерах, против него необходимых»¹. Начиная обращение с позитивной оценки либеральных преобразований императора Александра II, Кавелин сразу же очерчивает свою позицию по поводу усиливающихся нигилистических настроений русского общества: «Необходимо ближе изучить корень этого зла и определить, в каких оно находится отношениях к другим общественным явлениям нашего времени, дабы судить о мерах, коими следует бороться с этою умственной заразою» [6, с. 1134].

Кавелин выделяет две волны нигилизма в России. Первая волна нигилизма обнаруживается в убеждениях и нравственных понятиях оппозиционно настроенного молодого поколения России 40-х гг. XIX в. Первым носителем нигилистических идей Кавелин считает В.Г. Белинского, нерелексивно воспринявшего атеистические и материалистические теории немецких философов Л. Фейербаха и М. Штирнера. Главным распространителем нигилизма ему видится А.И. Герцен, издававший в 60-х гг. вместе с Н.П. Огаревым в эмиграции, а следовательно, без цензуры, газету «Колокол». Заветной книгой нигилистов Кавелин называет роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», рукописный вариант которого кочевал по стране и будоражил поверхностно образованные умы иллюзией быстрых и радикальных перемен в стране. «Нигилизм есть идея, есть учение философское, переходящее в своего рода религию (вера в отсутствие Бога, души и нравственного закона); это есть учение, имеющее уже своих проповедников и жаждущее иметь своих мучеников», – пишет Кавелин [6, с. 1138].

Вторая волна протестных настроений русского общества наблюдалась в пореформенный период 1860–1880-х гг. и была вызвана целым рядом причин. Среди культурно-исторических причин укорененности нигилизма в сознании россиян Кавелин выделяет следующие: многовековое отсутствие политических прав всех слоев русского общества, включая и дворянство; крепостная правовая система государства; нерешенность коренных вопросов российской действительности. К субъективным причинам он причисляет поражение России в Крымской войне; противоречивость осуществления крестьянской реформы, а главное – нерелексивное заимствование западных идей материализма и социализма. На последнее обстоятельство им обращается особое внимание. Умственными настроениями русского общества овладели представители западного направления в русской литературе и публицистике – люди, поверхностно образованные, но охваченные духом радикальных преобразований в стране. Кавелин приводит пример, что такие «учителя нашего нигилизма», как Чернышевский и Добролюбов, вышли из семинарий, где царила схоластика, жесткая дисциплина и отсутствие уважения к личности, что и породило в этих энергичных натурах вместо тяги к знаниям и «истинному православному просвещению» чувство негодования и протеста [6, с. 1139].

Дворянство и крестьянство

Усиление нигилизма в 60–80-х гг. XIX в. Кавелин справедливо связывает с неразрешенностью «крепостного вопроса», реализацией которого все

¹ Записка К.Д. Кавелина «О нигилизме и мерах, против него необходимых» впервые была опубликована историком П.А. Зайончковским в 1950 г. В данной статье используется ее переиздание в книге «Государство и община» (2013).

остались недовольны: крестьяне – тем, что не стали реальными собственниками земли, а продолжали выполнять повинности в пользу барина; дворяне – тем, что перестали чувствовать себя неограниченными хозяевами в своем собственном имении [7, с. 106]. Кавелин справедливо отмечает, что процесс перехода от одной организации жизни к другой – это процесс не быстрый. Чтобы привыкнуть к новому порядку дел, к переходу от одной формы существования к другой, должно пройти время. Рефреном звучит его мысль о том, что новая общественная мысль должна «спокойно сложиться и вызреть» [8, с. 1082]. Крестьянам в период перемен предстоит трудный путь – научиться жить самостоятельно. А дворянам необходимо перестроить свое мироощущение: научиться быть не господами, а «первыми между равными», в противном случае как высшее сословие они неминуемо подвергнутся беспощадной и радикальной критике [7, с. 112].

По наблюдениям Кавелина, во всех странах высшее сословие, которое изолируется от других своими привилегиями и властью, неизменно представляет предмет зависти со стороны тех, для кого «привилегия породы кажется вопиющей несправедливостью, власть одного сословия над другими – нестерпимым притеснением» [7, с. 115]. Именно в «кастовости» высшего сословия на фоне исторически сложившегося неравенства Кавелин видит источник формирования радикальных общественных настроений. Историческое прошлое, по его наблюдениям, изобилует примерами того, чем может обернуться подобная изоляция высшего сословия: аристократия либо истребляется народом, либо полностью попадает под власть правительства.

Рисуя общие для всех европейских стран черты противостояния высшего сословия остальной части общества, Кавелин отмечает специфические особенности русского дворянства. Историческая традиция такого противостояния сложилась под воздействием двух обстоятельств: отсутствие политических прав образованного класса и отсутствие культуры землевладения. Еще со времен Киевской Руси русское дворянство имело значение служилого сословия и долгое время не было востребовано самодержавной властью в качестве политической силы. Московские государи, создавшие служилую систему, достаточно быстро почувствовали опасность, которая грозила им со стороны дворян с их стремлением организовать в политическое сословие. Поэтому власть всячески старалась ослабить эту нарождающуюся силу. С этой целью поощрялось самоуправление посредством выборщиков, намеренно возвышались преданные лица из низшего сословия дворянства и даже из других классов. Такая царская политика, через разного рода законодательные меры и административные распоряжения, обернулась длительной борьбой между царской властью и вельможеством. То стихая (репрессии Ивана Грозного), то набирая обороты (выборы «своего» царя Василия Ивановича Шуйского), борьба завершилась, в итоге, «полным, совершенным торжеством самодержавия». Табель о рангах Петра I окончательно «разомкнул» ряды дворянства, и оно стало доступным «для всех и для каждого, по годности в службе» [7, с. 118–119]. Не имеющее своих корней в народе и лишённое участия в управлении страной, русское дворянство постепенно деградировало: не училось, ничего не делало, успев, однако, выхлопотать себе гражданские права в виде привилегии неотъемлемости титула, неприкосновенности лица и имущества, освобождения от личных податей и рекрутчины, права служить или не служить, права выезжать за границу и поступать на службу в

иностранных государствах (Жалованная грамота Екатерины II). Промежуток времени от Петра I до 1825 г. Кавелин называет временем самых благоприятных условий для российского дворянства.

Система крепостного права ставила русское дворянство в двусмысленное положение – оно, по сути, противопоставлялось большей половине народонаселения страны. Не имея материальной необходимости работать, дворянин отвыкал от труда и после нескольких лет службы предавался совершенному бездействию в своих имениях или в поездках по курортам Европы. Озабоченные одной мыслью – удержать крепостное право, помещики упорно сопротивлялись насущным реформам и тем самым сосредоточили на себе всю силу народного негодования, особенно после поражения царского правительства в Крымской войне. Кавелин считает, что во время обсуждения вопроса об отмене крепостного права и в начале его реализации дворянству представился «счастливый случай поправить прежние ошибки и, став во главе великой реформы, выиграть себе отличное положение и перед народом, и перед правительством; но оно так глубоко пало и вследствие того было так ослеплено и обессилено, что на такой великий политический и гражданский подвиг ему не достало ни понимания, ни мужества» [7, с. 124].

Столь критическая оценка позиции дворянства в отношении реформ не застилает глаза Кавелину: он видит потенциальные возможности обновления близкого ему сословия и рисует целую программу действий. Прежде всего дворянам необходимо пересмотреть взгляды на свои права, обязанности и отношения с другими классами. Обновленное дворянство видится Кавелину в образе класса землевладельцев, уравненного во всех гражданских правах с прочими сословиями. Процесс перехода от одной организации жизни к другой – это процесс не быстрый. Поэтому имущественные и материальные интересы, новый род занятий, новая среда – все это может приобрести отчетливые формы не сразу, а, скорее всего, в следующем поколении. Дети дворян пореформенной эпохи смогут возродиться в новом облике реальных, а не только по праву, привилегий землевладельцев. Кавелин полагает, что неизбежное, по началу, снижение общего уровня образования за счет втягивания в совместные хозяйственные отношения низших слоев постепенно выровняется и в будущем начнет подниматься. Таким образом, в замыслах Кавелина, «гибельная разобщенность классов» может прекратиться, если дворянство перестанет быть замкнутым сословием, сознательно откажется от роскоши не по средствам и начнет деятельный (землевладельческий и земледельческий) образ жизни [7, с. 127].

Как непосредственный создатель проекта отмены крепостного права, Кавелин считает, что стенания дворян по поводу ущемления их интересов лишены серьезных оснований: никого из них правительство не лишило средств к существованию, не выбросило на улицу, а, наоборот, предупредило грозившую катастрофу «снизу» тем, что дало крестьянам личные права и независимое общественное устройство. «Революции поступают иначе, и в этом лежит огромное преимущество всякой мирной реформы, как бы она крута ни была» [7, с. 131]. Кавелин рисует два типа современных ему дворян: образованные и невежественные. Первые – те, кто принадлежат по рождению к известным дворянским фамилиям, хорошо образованы и воспитаны, а также те, кто достигли почетного положения в обществе и государстве благодаря своему таланту и заслугам. Вторые – те, кто бездумно воспринимают внешний лоск европейской культуры, жи-

вут праздно, проматывая свое состояние [7, с. 120, 126]. Собственно, к представителям второго типа дворянства и обращается Кавелин, считая, что традиция иметь имение только для получения средств к существованию и управлять им не самому, а через старосту – такая традиция, наряду с устаревшим местничеством и личным тщеславием, утрачивает былую актуальность. Что надо делать во избежание усиления радикальных настроений народа? Практические советы Кавелина – заняться делом у себя дома, в имении, устанавливать тесные отношения с народом (крестьянами, сельскими учителями, врачами, статистами и т. д.) на почве общих хозяйственных интересов.

Разночинная интеллигенция и студенчество

Общественное развитие в середине XIX в. стало «выталкивать» из пластов феодальных сословий большое количество маргиналов, оказавшихся вне предписанных им от рождения условий жизни. В дискурсивный арсенал пореформенной России прочно вошел термин «разночинец». Он получил много трактовок – человек, деятельность которого не укладывается в сословные рамки; интеллигент по праву образования; деклассированное дворянство; студенчество; отщепенцы из чиновничьей и военной среды [10, с. 24–27]. Именно разночинцы в русском обществе стали идейным проводником между нигилистами середины XIX в. и радикалами конца этого столетия. Им были свойственны такие черты, как гипертрофированное сомнение и отрицание социальных и культурных традиций старого режима; анархистское своеволие и индивидуализм; стремление использовать в борьбе против действительно устаревших социальных и культурных форм антигуманные способы, граничащие с преступностью; преобладание деструктивной программы и почти полное отсутствие позитивных настроений [5, с. 18–19].

Кавелин отмечает, что современное ему российское дворянство – весьма многочисленное сословие, включающее около миллиона душ. Дворянские права одинаковы и для богачей-аристократов, и для «массы голодной молодежи, ищущей мест в канцеляриях или пробавляющейся писанием журнальных статей с обличительным оттенком» [6, с. 1145]. По сути, эта «масса» и пополнила ряды разночинцев, превращаясь в особый источник увеличения числа радикально настроенной молодежи. Не обладая преемственной культурой образования, но искренне желая получать знания, разночинцы оказались в ловушке деформации собственного сознания: стали преувеличивать аспекты, связанные с классовыми интересами, с идеей революционного скачка общественного развития.

Немаловажную роль в появлении в русском обществе разночинного люда, на взгляд Кавелина, сыграла противоречивая политика царского правительства в сфере образования и просвещения. С одной стороны, реформы 1860-х гг. расширили доступ в университеты молодым людям недворянского сословия, с другой стороны, привилегии дворянства усердно защищались. Принцип сословности явно оставался прежним. В частности, через классические гимназии «фильтровались» кадры для университетов, через реальные училища – кадры для технических университетов. Известно, как министр просвещения И.Д. Делянов снискал себе геростратову славу специальным циркуляром 1887 г., закрывающим доступ в гимназии детям родителей «предосудительных профессий», т. е. людей физического труда.

По наблюдениям Кавелина, особым источником пополнения рядов радикально настроенной молодежи в России было студенчество. Мыслитель двояко реагирует на все попытки властей ограничить доступ в учебные заведения. С одной стороны, он соглашается, что доля истины в мерах правительства видна: образование не делается «вдруг», оно предполагает исторически сложившуюся традицию получения знания, требует умения учиться. С другой стороны, он не соглашается с призывами отказаться от массового университетского обучения молодежи. Такие рассуждения были сильны в консервативных кругах русского общества. Известно, например, как в докладе уже новому императору Александру III министр народного просвещения И.Д. Делянов прямо пишет, что надо учить не многих, но качественно [10, с. 40]. Кавелин считает, что в университеты должны поступать в силу личных способностей и устремлений, а не по праву происхождения. Более того, он подмечает новую тенденцию: «бедняки» дворянского и чиновничьего происхождения проявляют большее стремление учиться, нежели потомки богатых людей, т.к. для них образование является единственным средством обеспечить свою будущность. «Закрыв или затруднив бедному юношеству доступ в университеты и другие высшие учебные заведения, правительство возбудило бы вновь, как в 1849–1855 гг., во всей этой массе молодых людей и в их семействах величайшее неудовольствие и заставило бы тысячи юношей оставаться при поверхностном полуобразовании, составляющем самую удобную почву для материализма и революционных страстей», – прямо пишет Кавелин в «Записке» императору Александру II [6, с. 1142].

Реалии российской действительности явно демонстрировали тот факт, что ограничение приема в университеты вызывало раздражение в массе молодежи, жаждущей образования. Как следствие, многие разночинцы устремлялись на единственно доступный для них медицинский факультет. И здесь они, в большинстве своем, по мнению Кавелина, не имея никакого призвания к медицинской специальности, приобретали только «односторонний материалистический взгляд» и пополняли ряды заговорщиков, желавших «революции и разрушения государства» [6, с. 1135; 8, с. 1083].

Интересны рассуждения Кавелина о роли цензуры печати в усилении регистра нигилистических настроений русского общества. Получается, что любое решение вопроса о цензуре (усиление, ослабление или отсутствие) неизменно возбуждало протестные взгляды. Так, немаловажную роль в распространении нигилистических настроений у молодежи сыграла дореформенная цензура отечественных печатных изданий. В 1840–50-х гг. цензура имела жесткие формы: считалось недопустимым публично обсуждать вопросы религии, философии и государственного устройства. Отсутствие общественных дискуссий лишало мыслящих людей возможности обсуждать сложные идеи, опровергать сомнительные теории, требующие профессиональной рефлексии. Как следствие, студенческая молодежь начинала воспринимать их поверхностно, невариативно. Отсутствие цензуры печати также усиливало нигилизм молодежи, о чем свидетельствует история с изданием газеты «Колокол», выпускавшейся за границей Герценом и Огаревым и нелегально распространявшейся по России большими тиражами в 1857–1867 гг. Либерализация цензуры при Александре II дало возможность «благоразумным органам печати» вести открытую полемику с носителями нигилистической идей [6, с. 1137]. Однако и это парадоксальным обра-

зом создавало сильный кумулятивный эффект, притягивая всё новые слои общества к теме нигилизма.

Схожий эффект усиления бунтарских настроений имела и история с уставами университета. И либеральный устав университета (1863), и реакционный (1849, 1884), каждый по-своему, порождали радикальные настроения. Устав правительства Александра II оказался своевременным, отражал устремления к свободе образования. Однако он давал университетским советам корпоративную автономию в академических делах, но не затрагивал вопросы организации студентов, которые были лишены права голоса. Такая негибкая политика правительства вызывала протестные настроения у студентов, усугубленные еще и их материальной бедностью. Контроль и надзор со стороны правительства за поведением студентов, их бесправие и бедность, а главное, отсутствие у большинства обучающихся врожденной традиции культуры получения знания – все это неминуемо вело к тому, что молодые люди становились нигилистами, начинали с презрением относиться к «старым» дворянским ценностям и жаждали «новых». В реалиях постреформенной России сложился образ студента, умеющего скорее бунтовать, чем трудиться над книгами, поскольку первое состояние казалось для большинства гораздо легче второго. В результате многие студенты не доходили до финиша: или бросали университет в силу бедности, или были исключены за участие в оппозиционных волнениях.

Выводы

Все рассуждения Кавелина стягиваются к одной мысли – не допустить социальной революции, губительной для высшего сословия и способной потрясти «народный организм» в самих его основаниях. По Кавелину, протестное мышление охватило все слои русского общества пореформенной России – крестьян, дворян, мелких чиновников, разночинную интеллигенцию, студенчество. Утверждая, что «нигилизм не имеет ничего общего с народом русским и с элементами его общественной жизни» [6, с. 1142], Кавелин отчасти сам себе противоречит, извлекая из истории примеры с раскольничьими сектами и массовыми крестьянскими бунтами и наблюдая недовольство крестьян условиями отмены крепостного права. Причину брожения дворянского сознания Кавелин объясняет тем, что образованный класс долгое время не был востребован самодержавной властью в качестве политической силы, что способствовало формированию протестного мышления и вечного недовольства властью. Недовольство разночинной интеллигенции Кавелин объясняет ее слабой укоренённостью в своем сословии, увлеченностью социалистическими идеями и желанием воплотить их в действительность. Нигилизм студентов он связывает с противоречивыми мерами правительства в отношении приема в университеты и другие высшие заведения страны, а также с тяжелым материальным положением.

Дворянам Кавелин рекомендует перестать обижаться на правительство, включиться и возглавить всесословную земскую хозяйственно-политическую деятельность. Только этим путем дворянство сможет сохранить свое лидирующее общественное положение, не окажется вытесненным буржуазией. По практическим замыслам Кавелина, дворяне должны культурно и экономически просвещать народ, особенно крестьянские массы в провинции. Через просвещение народных масс должна осуществиться административная децентрализация России, которая ослабила бы чиновничий и полицейский произвол на

местах. Именно дворянству в сословном представительстве принадлежит ведущая роль в формировании гражданского самоуправления и самодеятельности. Кавелин ратует за устройство коллегиальных учреждений, чтобы ликвидировать главные недостатки ныне действующих высших государственных учреждений: личный произвол, отсутствие обратной связи с народом, отсутствие права чиновника на инициативу [9, с. 1072–1073].

Таким образом, дворянам он рекомендует заняться хозяйственно-политической деятельностью и включиться в практику гражданского самоуправления. Крестьянам следует учиться хозяйствовать самостоятельно, участвовать в земском самоуправлении. Студентам рекомендуется получать глубокие знания, критически мыслить. Чиновники должны проявлять инициативу, а не быть пассивным инструментом для самодержавной власти. В «Записке» Кавелин предупреждает правящие круги, что одними репрессиями невозможно остановить распространение нигилистических настроений, что нужны правильные законы и реально действующие учреждения. Картина преодоления социальной конфронтации в России рисуется монархически настроенным философом по принципу политического устройства Англии: «Семейство первейшего лорда и последний нищий равны в правах» [7, с. 111].

Как показала действительность, исторические знания, общественная рефлексия и практические советы Кавелина не возымели прямого ответного действия. Его голос утонул в надвигающемся шуме социальных потрясений. Жизнь показала, что в конечном итоге сформировалось новое поколение – радикалов и революционеров. Однако теоретические рассуждения Кавелина и практические рецепты по снижению накала оппозиционных настроений в обществе созвучны современности. Актуальны выводы Кавелина о том, что такие факторы социокультурного развития, как расширение свободы, права и научного знания, а главное, умение пользоваться и тем, и другим, и третьим на уровне здравого смысла – все это способно снизить значение и силу нигилизма.

Список литературы

1. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.
2. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Академический Проект, 2007. 551 с.
3. Наохито С. Восприятие романа «Идиот» в Японии // Философский полилог: журн. Междунар. центра изучения рус. философии. 2017. Вып. 1. С. 79–88.
4. Ковалева Е.О. Проблема преемственности социокультурных традиций и конфликта поколений в русской философии конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГОУ, 2018. 192 с.
5. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты: Опыт критической характеристики. Л.: Лениздат, 1972. 296 с.
6. Кавелин К.Д. О нигилизме и мерах против него необходимых // Кавелин К.Д. Государство и община / сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимова. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 1133–1148.

7. Кавелин К.Д. Дворянство и освобождение крестьян (1862) // Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Публицистика. С. 106–142.
8. Кавелин К.Д. Заметки (1880-81) // Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Публицистика. С. 1078–1088.
9. Кавелин К.Д. Бюрократия и общество (1880) // Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Публицистика. С. 1068–1078.
10. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 368 с.

THE NATURE OF RUSSIAN NIHILISM IN KONSANTIN KAVELIN'S VIEWS

Е.Е. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on Konstantin Kavelin's views on the nature of Russian nihilism. The stages of the formation of protest thinking's forms are traced within its format: from Russian Voltaire followers at the end of the 18th century, through the ideological radicalism of the young generation of the middle of the 19th century, to the revolutionary form of public consciousness at the beginning of the 20th century that influenced the political events of Russia in 1917. The article was built in the perspective of interpreting the historical-philosophical and journalist writings of Konstantin Kavelin written in the last decade of his career. This explains the application of the hermeneutic methodology providing a sound basis for the analysis of the social philosopher's views on the nature of Russian nihilism. The distribution of the material in the article is subjected to the demand of the problem-chronological method that makes possible to trace the continuity and development of Kavelin's approach to the sources of Russian nihilism and ways to overcome it. An analysis of the radical attitudes of representatives of different layers of Russian society is carried out.

Keywords: *Kavelin, historical-philosophical reflection, Russian nihilism, politics, morality, tradition, education, social confrontation.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru